После того, как смолк оглушительный грохот артобстрела, танки Леонида выстроились в сплошную «стену» и открыли огонь из всех орудий. Имперские снаряды достигли цели, и взрывы скрыли из виду укрепления предателей. Но легкий ветер, поднявшийся в тот день, вскоре развеял дым.

По мере того, как сокращалась дистанция между двумя армиями, транспортеры, шедшие в построении клином, растянулись в линию. Несколько тяжелых танков заняли огневые позиции и обрушили на траншеи всю мощь своих пушек. Выстрелы из лазганов, огонь танков и артиллерии слились в оглушающую какофонию, к которой примешивался глухой рев танковых двигателей. С разочарованием Леонид заметил, что их пушки наносили врагу лишь незначительный урон.

Расстояние, разделявшее противников, все уменьшалось. Батальон Леонида маневрировал с мастерством, наполнявшим командира гордостью. Леонид повидал достаточно сражений, но мало что могло сравниться с атакой бронетанкового батальона на открытой местности.

Они уже приближались к вражеской линии обороны; диспенсеры сотен танков изрыгали дым, чтобы дезориентировать духов, направлявших прицелы вражеского оружия. Леонид недоумевал, почему титаны, призванные поддержать атаку, вопреки плану до сих пор не открыли огонь. Он потянулся к вокс-передатчику, чтобы потребовать выполнения огневой задачи, но из бункера, расположенного в центре вражеской линии, прогремел выстрел, и менее чем через секунду цель была поражена.

Снаряд пробил лобовую броню одного из «Леман Руссов», и танк отбросило в сторону. От перегретого заряда загорелось топливо, детонировал боезапас танка, и разлетевшаяся на куски машина исчезла в черном облаке огня и дыма.

Выстрел послужил остальным Железным Воинам сигналом к бою. Вдоль всей линии укреплений легиона предателей воздух наполнился шквалом огня из лазпушек и инверсионными следами снарядов.

У машин, оказавшихся ближе всего к вражескому фронту, не было ни единого шанса.

Артиллеристы Железных Воинов с легкостью выбирали себе цель среди имперских танков, и строй атакующих разорвали огромной силы взрывы.

Даже сквозь непрестанный грохот взрывов и шипение лазерного огня слышались крики солдат. А потом в бой вступили вражеские титаны, залпы их тяжелых орудий влились в шум битвы, и от танков, пораженных невообразимо мощным огнем их орудий, оставались только атомы.

Оказавшись в ловушке из горящих обломков, водители танков таранили подбитые машины, стараясь выбраться на безопасное место, и к грохоту боя присоединился скрежет гнущегося металла. «Леман Русс» попытался пробить себе путь на свободу и врезался в черную груду железа, оставшегося от «Химеры», но какой-то меткий артиллерист заметил попытку побега и

разделался с танком одним снарядом, попавшим в корму машины.

Люки подбитого танка распахнулись, изрыгнув клубы черного дыма, и охваченные огнем гвардейцы в сумасшедшей спешке стали выбираться из отделения экипажа. Крича от мучительной боли, они катались по пыльной земле, стараясь сбить пожиравшие их языки пламени.

Яркие вспышки лазерных выстрелов с легкостью пробивали броню «Химер», и Леонид вынужден был держаться изо всех сил. Машины взрывались одна за другой, скрываясь за завесой густого дыма, и строй сломался.

Леонида шатнуло в сторону: водитель его «Химеры» несколько раз резко, со скрипом тормозов развернул машину, пытаясь уйти с линии вражеского прицела. «Химера» врезалась в горящий танк, двигатель взревел, подчиняясь бешеной попытке водителя столкнуть более тяжелую машину с дороги, но «Леман Русс» застрял намертво и не сдвинулся с места.

Леонид нырнул в отделение экипажа и дернул за рычаг, открывая заднюю аппарель.

— Все на выход! Пошли, пошли, пошли!

Его командное отделение не нужно было подгонять. Оставаться внутри «Химеры» означало верную смерть.

Леонид направлял своих людей к аппарели, а когда все вышли, последовал за ними в суматоху битвы. Едва он сошел на землю, как бок «Химеры» вспорол снаряд. Открытый кормовой люк направил большую часть силы взрыва вовне, но машину все равно подбросило в воздух. Леонид пошатнулся, почувствовав, как будто огромный кулак припечатал его к земле. Он сплюнул набившуюся в рот пыль, в ушах стоял чудовищный звон. Обернувшись, он увидел Элларда, своего сержанта; тот что-то кричал, но Леонид не мог разобрать слов. Сержант указал в сторону вражеских траншей, и Леонид кивнул, поднимаясь на ноги.

Он увидел, что рядовой Корде тащит одно из тел в небесно-голубой форме, заляпанной красным, и крикнул ему, но понял, что его не услышат за громом взрывов и стрельбы.

На поле боя царила полная неразбериха, десятки танков и «Химер» были окутаны едким черным дымом. Кто-то схватил Леонида за плечо, он обернулся и увидел Элларда, протягивавшего ему ружье. Сержант уже прикрепил к оружию штык, и Леонид благодарно кивнул.

Тела убитых были повсюду. На танках. На земле. Кровь, огонь, шум и крики.

Он чувствовал только запах дыма, горящего топлива и опаленной плоти.

Еще одна машина взорвалась, и он рухнул на землю, выпустив ружье из рук. Вихрь раскаленных осколков пролетел над головой и с грохотом врезался в борт другого танка.

До него донеслись приглушенные обрывки полных отчаяния криков. Вопросы, в которых не было смысла. Просьбы о медицинской помощи, запросы поддержки и эвакуации. Вокруг него солдаты, вжимаясь в ставшую скользкой от пролитого топлива землю, вели огонь по вражеским траншеям. Леонид не задумываясь схватил отброшенное ружье, вскинул его к плечу и открыл огонь, стреляя, пока не кончился боезапас, затем заменил пустую батарею на новую. Перезарядить оружие удалось только со второй попытки — так сильно дрожали его руки.

Вокруг него уцелевшие танки стреляли из главных орудий, а водители боевых машин делали все возможное, чтобы маневром уйти от вражеского огня. Некоторым это удалось, и в сторону предателей раздались ответные выстрелы, но тех, кому повезло меньше, вскоре перебили поодиночке.

Леонид подполз к сержанту Элларду, тот протянул ему вокс, и полковник, сняв шлем, поднес к губам передатчик.

— Принцепс Фиерах? Нам нужна огневая поддержка, сейчас же! Пожалуйста, ответьте! Где вы?

Вокс шипел разрядами статики, но Леонид не сдавался.

— Проклятье, принцепс Фиерах, кто-нибудь, прием! Подтвердите!

В ответ слышались только обрывки голосов и статика, и Леонид со злостью отбросил вокс-приемник.

— Полковник! — крикнул Эллард. — Что происходит? Черт побери, где наши титаны поддержки?

Леонид поднял с земли свой шлем и вновь надел его.

— Будь я проклят, если знаю, сержант.

Почва всколыхнулась от нового взрыва, прогремевшего неподалеку.

— Перекличка! — проорал Леонид. — Кого мы потеряли?

— Комиссар Паскен и лейтенант Баллис убиты, — крикнул в ответ Корде. — Лонов ранен, сомневаюсь, что он выживет.

Леонид бесстрастно кивнул и вздрогнул: рядом взорвалась еще одна машина. Отделению сильно досталось, на лицах солдат, почерневших от копоти, застыл ужас. Для многих из них сегодняшний день стал первой настоящей проверкой боем, и он знал, что в итоге в них останется только одно чувство: или страх, или мужество.

Пехотинец, оказавшийся в гуще сражения, в первые мгновения испытывает ошеломляющий прилив эмоций. Ужас, ярость, вина, ненависть — все те чувства, что выходят на поверхность, когда стоишь лицом к лицу перед выбором: умереть самому или убить другого человека. При правильном сочетании этих чувств такой эмоциональный подъем мог заставить человека броситься на врага, превратить его в бесстрашного и беспощадного убийцу, но эти же эмоции могли заставить его в панике бежать обратно, к своей линии обороны. В некоторых это правильное сочетание было заложено с рождения, в других же его приходилось вбивать насильно.

Долгом Леонида было добиваться лучшего от своих людей, и он понимал, что сейчас они на опасном распутье. Ему придется надавить на них, чтобы огонь ярости зажегся в их сердцах. Если они останутся здесь, то их мужество постепенно иссякнет, и тогда даже угрозы комиссара не заставят их шевелиться.

Леонид взобрался на кромку укрытия и, пригнувшись, выглянул из-за обломков распотрошенной «Химеры», чтобы оценить ситуацию.

Император всемогущий, дела обстояли неважно! Небо окрасилось красным и черным от отсветов пламени, пожиравших десятки танков, пропитавшуюся кровью землю усеивали мертвые тела. Только отдельные тяжелые орудия еще продолжали стрелять, а водители танков, сумевшие вывести свои машины из-под первой волны огня, теперь укрывались за останками тех, кому повезло меньше. Леонид понял, что они оказались в ловушке.

Проклятье, что же случилось с титанами?

— Механизмы автоматического заряжания на непрерывную работу! — выкрикнул принцепс Фиерах. — Восстановить пустотные щиты!

Расстояние между «Император Беллум» и «Диес Ире» сокращалось, но титан Фиераха уже понес первый тяжелый ущерб от залпа основного орудия гигантского монстра. Издалека казалось, что массивные стволы орудия поворачиваются неторопливо, но это впечатление о темпе стрельбы было обманчиво: всего одного залпа разрывными снарядами хватило, чтобы лишить «Император Беллум» защитных щитов.

— Модератор Сетанто, зарядить плазменный генератор! Готовьтесь открыть огонь из плазменной пушки!

— Да, принцепс! — подтвердил офицер целеуказания.

Фиерах понимал, что для победы над огромным монстром им нужно скорее разрушить щиты «Диес Ире» или подойти к нему поближе, чтобы навязать ближний бой. В любом случае, им придется нелегко.

Фиерах заметил, как от пушечного залпа вражеского титана пошатнулся «Гонорис Кауза». Гигантская боевая машина сбилась с шага под жестоким обстрелом, споткнулась, и одна нога титана с грохотом опустилась на выступ вражеских траншей, раздавив два бункера и с десяток солдат. Принцепс Даэкиан изо всех сил старался сохранить равновесие, и одна рука титана врезалась в землю, подняв высокий столб пыли, другая же отчаянно молотила по воздуху.

Чтобы прикрыть «Гонорис Кауза», Фиерах шагнул вперед и поднял руки титана, несущие орудия.

— Плазменная пушка заряжена, принцепс! — крикнул модератор Сетанто.

— Попался! — прорычал Фиерах и выпустил поток раскаленной добела плазмы в сторону дьявольской машины. Разряд энергии ударил в «Диес Ире», и смотровой экран потемнел от ярко вспыхнувших пустотных щитов противника, перегруженных залпом «Император Беллум». Защита монстра еще держалась, но расстояние между противниками постепенно сокращалось.

«Грабители» из тактической группы «Меч» переместились вправо от Фиераха, используя превосходство в скорости, чтобы обойти вражеский титан с фланга. Шквал лазерного огня вызвал перегрузку пустотных щитов ведущего «Грабителя», и прежде чем экипаж осознал нависшую над ними опасность, из плазменного аннигилятора «Диес Ире» вырвался ослепляющий разряд раскаленной энергии и поразил командный мостик, расположенный в головной секции титана.

Чудовищной силы взрыв оторвал голову «Грабителя», машина зашаталась, и Фиерах закричал, отказываясь верить глазам. Титан медленно опустился на землю, его искусственные мускулы работали все медленнее по мере того, как угасала жизнь командовавшего им принцепса. Наконец колени машины подогнулись, и «Грабитель» рухнул, взметнув огромное облако алого пепла. Оставшиеся четыре «Грабителя» расступились в стороны, и Фиерах выкрикнул приказ прибавить скорости.

Как будто почуяв, что «Император Беллум» был лидером этого соединения, «Диес Ире» развернул массивный корпус навстречу Фиераху.

Именно так это и должно было случиться. Человек против демона, плоть, кость и сталь против неведомого ужаса, наделявшего чудовищную машину жизнью.

«Клавис Регни» бросился вперед, опередив Фиераха, и его пустотные щиты вспыхнули ярче под обстрелом танковых орудий и боевых расчетов врага, поддержавших огонь «Диес Ире». Не избежал попаданий и его собственный титан: очередной пустотный щит был разрушен, а когда Фиерах увидел, что из клубов дыма появляется еще одна тактическая группа вражеских титанов в сопровождении сотен танков, впервые за многие годы он почувствовал сомнение.

У безнаказанности, с которой этот враг последние десять тысячелетий сеял ужас по всей галактике, была причина. Это был смертельно опасный противник, и многие почтенные принцепсы погибли под огнем его орудий. Из укреплений врага раздался пушечный залп, который поразил «Клавис Регни», и Фиерах с ужасом увидел, как его собрат-принцепс отчаянно старается удержать титана в вертикальном положении. Языки пламени охватили орудие инферно, установленное на руке титана, и внезапно оно взорвалось, окатив «Клавис Регни» потоком перегретого топлива.

— Принцепс! — закричал модератор Йосен. — Полковник Леонид запрашивает поддержку, немедленно! Он сообщает о тяжелых потерях!

Фиерах только кивнул — он был слишком занят, уклоняясь от мощного выстрела из защитного лазера «Диес Ире». Он скорее почувствовал, чем увидел, что еще один «Грабитель» подбит: боевая машина была повергнута наземь ужасающе сильным сплоченным огнем противника.

Один из вражеских титанов наклонился вперед и, качая тяжелой головой из стороны в сторону, бросился в атаку, на время закрыв Фиераха от огня «Диес Ире».

Фиерах сделал шаг вперед навстречу этому новому противнику и занес цепной кулак для удара по голове нападающей машины. Режущее полотно гигантского кулака скользнуло по бронированному панцирю вражеского титана, не оставив на нем следа, кроме фонтана огненных искр. Монстр ответил ударом собственного цепного лезвия, которое с ревом устремилось к торсу «Император Беллум». Лезвие вспороло толстую броню титана, словно бумагу, и Фиерах почувствовал чудовищной силы удар и скрежет разрываемого металла. Внутренние каналы вокса наполнились криками гибнущих внизу людей, и до Фиераха донесся крик инженера Уландро:

— Принцепс! Пробой в защите реактора на втором уровне!

Фиерах не ответил, из всех сил стараясь отбить очередной удар вражеского титана и подходя поближе, чтобы нанести тому сильный удар в область шеи. Лезвие «Император Беллум» пробило броню противника, заставив вражескую боевую машину полыхнуть оранжевым пламенем, и голова титана отделилась от корпуса. Падающего титана сотрясали вторичные взрывы, и Фиерах победно взревел.

Командный мостик наполнился дымом, перед глазами принцепса загорелись предупредительные символы, тревожно мигавшие красным. Реактор вступил в критический режим, но Фиерах знал, что Уландро был лучшим в своем деле, и если уж ему не удастся предотвратить перегрузку, то не удастся никому.

Он развернул «Император Беллум» — как раз вовремя, чтобы увидеть гибель «Клавис Регни», пустотные щиты которого в конце концов отказали. Перегрузка вывела из строя генераторы титана, и огненный вихрь огромной силы взрывов пронесся по внутренностям машины. Разрываемый чередой внутренних детонаций, «Клавис Регни» содрогнулся, и Фиерах закричал от ярости, видя, как гибнет его героический собрат.

Подобный грому удар вывел его из вызванного яростью оцепенения, и, развернувшись, он увидел «Диес Ире» во всем его адском величии; бастионы ног титана были объяты пламенем. Зарычав, Фиерах послал «Император Беллум» вперед и увидел, как на панели реактора тут же загорелись новые предупредительные руны.

Инженер Уландро делал все, чтобы удержать реактор от разрушения, но он проигрывал эту битву; а когда Фиерах услышал по воксу полные отчаянной мольбы крики солдат Имперской гвардии, он понял, что совершил непростительную тактическую ошибку.

Поддавшись желанию отомстить Легио Мортис, он бросил гвардейцев на произвол судьбы и теперь испытывал стыд за свое решение.

«Грабители» из тактической группы «Меч» разделались с вражескими титанами поддержки, но из всей группы уцелели только две машины, и их артустановки и искореженные панцири были охвачены пожаром.

Он обрек на смерть их всех.

«Клавис Регни» погиб, но «Гонорис Кауза» все еще держался на ногах и обменивался выстрелами с «Диес Ире», ведя бой, исход которого был предрешен.

Решительно направляясь в гущу перестрелки, Фиерах открыл канал связи с принцепсом Даэкианом.

— Даэкиан! Отступай на восток и поддержи силы джуранцев.

— Принцепс? — переспросил, затаив дыхание, Даэкиан.

— Давай же, будь ты проклят! Забирай остатки «Меча» и попытайся хоть как-то спасти ситуацию!

— Да, принцепс, — подтвердил Даэкиан.

Фиерах видел, что состояние реактора ухудшается, и чувствовал, что движения «Император Беллум» становятся агонизирующе медлительными. Божественная машина умирала; но он не собирался позволить столь могучему воину идти по дороге в ад одному, а потому развернул титана навстречу возвышавшемуся до небес «Диес Ире».

Впереди была смерть, и Фиерах приветствовал ее.

Внезапно успокоившись, он сказал:

— Даэкиан, я прошу тебя только об одном. Отомсти за нас.

Солдаты отряда Леонида лежали, вжавшись в ставшую липкой от разлитого топлива грязь и пригнув головы, а над ними непрестанно грохотала тяжелая артиллерия противника. Несмотря на громкие уверения, переданные по вокс-сети, титаны поддержки все еще не появились. Очередной снаряд разорвался неподалеку, и «Химера» закачалась от взрывной волны. Леониду пришлось кричать, чтобы быть услышанным в шуме битвы.

— Корде! Есть новости от титанов?

Гвардеец Корде отрицательно тряхнул головой, их укрытие содрогнулось от нового взрыва, и Леонид понял, что рано или поздно от «Химеры» останутся только обломки.

Весь отряд — или, по крайней мере, то, что от него осталось — чувствовал те же негодование и ярость, что и Леонид, и даже обычно спокойный Корде теперь был одержим желанием поквитаться с врагом.

Но, несмотря на все их мужество, у отряда практически не было шансов пережить такую атаку по открытой местности. Они бы стали героями, но даже герои не выживут при прямом попадании снаряда, и не важно, насколько они храбры. Леонид знал, что нужно что-то предпринять, и понимал, что пришло время доказать, что он не зря носит знаки различия на погонах. Время, когда он как главный должен был поступить именно так — встать во главе.

Приняв решение, Леонид повернулся к Элларду и крикнул:

— Сержант, собери людей. Мы идем вперед!

Мгновение казалось, что сержант не расслышал слова Леонида, но затем он кивнул и стал отдавать приказы солдатам отряда, собирая их на позицию.

Леонид взял ручной передатчик переносного вокса, который Корде нес на спине, и открыл канал связи со всеми отделениями под его командованием.

— Всем отделениям, это подполковник Леонид. Мы атакуем траншеи предателей. Будьте готовы и помните, что Император ждет от вас самого лучшего. У меня все.

Он выпустил из рук передатчик и встретился взглядом с Эллардом.

— Готов, сержант?

— Как никогда, — Эллард кивнул. — А вы, сэр?

Леонид усмехнулся.

— Думаю, сейчас мы это и выясним. — Он протянул руку Элларду. — Удачи, сержант.

— И вам, сэр.

Леонид поднял ружье, сделал глубокий вдох, чтобы успокоить бешено бьющееся сердце, и с ревом ненависти выскочил из укрытия. Его отряд, следуя примеру командира, с боевым кличем бросился в атаку. Навстречу им поднялась волна вражеского огня, которая пробила брешь в строю и заставила выживших броситься врассыпную.

— Рассредоточиться! — заорал Леонид.

Они открыли огонь из лазганов и гранатометов, но расстояние было слишком велико.

Урон, нанесенный отрядом Леонида противнику, оказался незначительным, но воздействие их атаки на имперские войска было подобно электричеству. Огонь уязвленной гордости и ярости, вызванной бесчинствами врага, до этого тлевший в солдатах, теперь разгорелся с новой силой. Джуранские драгуны поднялись и последовали за своим мужественным командиром.

Леонид и Эллард бежали рядом, с каждым шагом поднимая сапогами густые клубы пепла, а следом за ними мчались солдаты их отделения, подбадривавшие себя бессвязными криками, полными гнева и страха.

Леонид почувствовал обжигающий прилив адреналина и, стреляя из ружья, полностью отдался нахлынувшим эмоциям. Его охватило неистовое возбуждение, мешавшееся с бешеным ощущением опасности и азарта. Страх исчез, и он смеялся, чувствуя себя бессмертным. Казалось, небо над головой никогда не было таким красным, а зрение его таким сверхъестественно острым — он мог в мельчайших деталях разглядеть лица врагов впереди. Время для него замедлилось, пули и лазерный огонь проносились мимо яркими вспышками. Он обернулся к бегущим за ним солдатам, выкрикивая слова ободрения; вокруг грохотали взрывы, но он все равно продолжал бежать, оставаясь неуязвимым.

Все тело налилось новой силой, и он бросился вперед, не дожидаясь остальных. Выстрелы на бегу среди невероятного шума. Дикий вопль. Его собственный?

Что-то дернуло его за рукав. Резкая боль алым огнем растеклась по руке, но ему было все равно.

Он несся вперед на волне отваги и безумия.

Ужасный звук, разрывающий воздух рев, то накатывавший приливом, то отступавший; пыль с земли перед Леонидом фонтанами взвилась вверх. Поток вражеского огня ушел вправо и

врезался в людей, бежавших рядом. Четверых отбросило назад, из разорванных грудных клеток брызнула ярко-красная кровь.

Так не должно быть. Эта атака должна увенчаться славой! Вера в Императора и правое дело была их щитом, они должны были стать непобедимыми.

Леонид споткнулся, и внезапно взгляд его охватил весь масштаб резни вокруг. Землю устилали трупы. Сколько их было, сотни, тысячи? Слишком много, невозможно сосчитать.

Несмотря на всю смелость и блистательность их броска, рациональная часть сознания Леонида внезапно увидела безрассудность этого поступка. Легенды рождались как раз из таких неистовых, без огневой поддержки, атак на укрепленные позиции противника, но легенда хороша тем, что сам не принимаешь в ней участия. Хотя Леонид и не отдавал себе в этом отчета, для него настал момент, с которым сталкивается любой пехотинец.

Момент, когда спадает первый всплеск адреналина и на смену ему приходит инстинктивное чувство самосохранения. Именно в такой момент только истинное мужество могло помочь солдату преодолеть последние метры, отделяющие его от неприятеля.

Чувствуя, как колотится сердце и шумит в ушах кровь, Леонид закричал и вновь двинулся вперед бок о бок со своими солдатами.

Кажется, у них все получится!

До укреплений врага было меньше десяти метров.

А затем противник исчез за стеной ярких вспышек, дыма и оглушительного шума.

Огромный кулак ударил его в грудь.

Он повалился с ног, отчаянно стараясь сделать вдох, и мир завертелся перед глазами.

Земля понеслась ему навстречу и врезалась в лицо, горячая и неподатливая.

Кто-то закричал, зовя его по имени.

Боль, алая, яркая, острая, как лезвие, кромсающая его грудь.

Он перекатился на спину, а вокруг приливом нарастал шум: крики, пальба. Он приподнял голову и застонал, увидев кровь на нагруднике. Неужели это его?

Голова его откинулась назад, глаза закрылись, уступая безмерной усталости.

Потом кто-то резко поднял его и положил на плечо, и он закричал от нового спазма боли в груди. Он увидел землю под собой, колеблющуюся с каждым шагом, разорванную взрывами и пропитавшуюся кровью, а на ней — заляпанную красным джуранскую шинель.

Его уносили все дальше от траншей, и тело его бессильно моталось на плече спасителя, а мир крутился вокруг. Все потеряло смысл. Он попытался заговорить, но из горла вырвался только глухой хрип.

Мужчина, несший его, внезапно остановился и опустил Леонида на землю, прислонив его к борту покореженного танка.

Взгляд Леонида сфокусировался.

Сержант Эллард, встав на колени, осматривал рану на его груди.

— Что случилось? — хрипло спросил Леонид.

— Вас подстрелили, сэр, — ответил Эллард.

Леонид посмотрел вниз, на собственную грудь.

— Неужели?

— Так точно, сэр. Вы были впереди всех, и в вас попали. Хорошо еще, что у вас под нагрудником был бронежилет, но все равно, сэр, вам здорово досталось.

— Похоже, что так, — сказал Леонид, вздохнув с облегчением. — Последнее, что я помню, — мы как раз должны были наброситься на этих ублюдков.

— Полагаю, наша атака была обречена. А сейчас нам стоит пригнуться, потому что Корде говорит, что наши драгоценные титаны должны подоспеть в любую минуту, и нам уж точно не следует быть рядом с этими траншеями, когда они откроют огонь.

Леонид попытался встать, но по телу разлилась боль, и он тяжело опустился обратно.

— Император, как же больно!

— Да, думаю, вам попали в солнечное сплетение, так что просто полежите немного спокойно, сэр. Все будет в порядке.

— Хорошо, — подчинился Леонид. — Кстати, спасибо, сержант. За то, что вынесли меня из-под огня.

— Не стоит упоминания, сэр. Извините, что спрашиваю, но что, черт побери, вы делали? Со всем уважением, сэр, вы понеслись вперед, словно сумасшедший.

— Не знаю, сержант. Я не мог мыслить трезво, — ответил Леонид, качая головой. — Я видел только траншеи впереди и думал лишь о том, как до них добраться. Безумие, я знаю, но, Император, чувство было поразительное! Я так ясно видел и слышал каждую мелочь, и не было ничего, что было бы мне не по силам… А потом меня подстрелили, — закончил он с запинкой.

На землю рухнули еще несколько убитых, но полуденный воздух уже задрожал от тяжелой поступи титанов, и за всю свою жизнь Леониду не встречался звук, более приятный слуху.

Преодолевая боль, он поднялся на ноги и крикнул, обращаясь ко всем, кто мог услышать, и голос его, четкий, как на параде, с легкостью перекрыл отрывочный рык перестрелки и гулкие удары взрывов.

— Ладно, слушайте все! К нам идут титаны, а потому подъем! Как только они откроют огонь, я хочу, чтобы все вы бегом двинулись к цитадели, и пошевеливайтесь. Смотрите, чтобы никого не забыть, и мы все благополучно выберемся из этой переделки, понятно?

Слова Леонида были встречены немногими утвердительными возгласами, прозвучавшими еле слышно, но те, кому удалось пережить атаку, были слишком утомлены и контужены, чтобы демонстрировать рвение.

Леонид посмотрел на северо-запад, где виднелись тяжело шагающие фигуры титанов, приближавшихся к ним сквозь клубы дыма. Несмотря на боль в груди, он улыбнулся.

Божественные машины наверняка превратят укрепленную полосу врага в водоворот смерти и разорванных тел.

С неистовой жаждой Кроагер наблюдал за резней, развернувшейся перед траншеями, и кулак его отбивал ритм по борту «Носорога» в такт с грохотанием взрывов. Побоище доставляло ему радость, хотя имперские гвардейцы, которым не хватило мужества даже дойти до их траншей, разочаровали его. Его извлеченный из ножен меч все еще не вкусил крови. Дух, обитающий в нем, разозлится, если так и не испробует желанной жидкости. Вся воля Кроагера уходила на то, чтобы сдержаться и не дать, взобравшись на «Носорог», сигнал к развернутой атаке, но он не мог этого сделать, не получив разрешения от Кузнеца Войны.

В заново отполированных доспехах Кроагер имел внушительный вид, и вороненое железо сияло, как новое. Пленница, которую он оставил в живых после первого боя, вернула блеск его броне, и хотя он до сих пор не мог сказать, почему не убил ее, заиметь одного из лакеев

Императора себе в услужение было приятно. Дело было не только в этом, но точнее определить причину Кроагер не мог, а потому выкинул мысли о женщине из головы; скорее всего, спустя день или два он все равно ее убьет.

Шум битвы эхом отражался от склонов долины, и лязг металла, ударявшегося о металл, звучал в ушах Кроагера настоящей музыкой. Тысячи лет он жил под аккомпанемент этого звука и сейчас жалел, что не может разглядеть за пеленой дыма на западе огромные фигуры, сошедшиеся в схватке, в которой титаны Легио Мортис сражались с титанами неприятеля. Вот это был настоящий бой! Сражаться в тени подобных созданий означало вступить в истинное царство смерти, где жизнь воина зависит в равной степени как от его мастерства, так и от удачи.

Кроагер нетерпеливо расхаживал по краю стрелковой ступени, не сводя голодного взгляда с завесы огня и дыма. Он осмотрел отряд, застывший в ожидании по обе стороны от него: жалкие людишки, думавшие, что своей службой Железным Воинам они удостоятся покровительства Хаоса. Он презирал их.

Западнее от него расположился Хонсю и его рота дворняжек. Судя по виду Хонсю, ему столь же не терпелось вступить в бой, и Кроагер признал, что хотя бы в этом они не столь уж отличаются.

Позади послышалось урчание мощных двигателей; обернувшись, Кроагер увидел, как три тяжелых «Ленд Рейдера» занимают позицию у главного выезда. Передняя аппарель ведущей машины с лязгом открылась, навстречу красным лучам вечернего солнца выступила внушительная фигура в вычурных доспехах терминатора.

Форрикс прошел по стальным мосткам, перекинутым через траншею, и присоединился к Кроагеру на стрелковой ступени. В правой руке он сжимал древний, богато украшенный комби-болтер, левую же венчал потрескивающий силовой кулак чудовищных размеров.

— Кузнец Войны приказал нам атаковать, — сказал он.

— Нам? — удивленно переспросил Кроагер. Форрикс уже около трех тысяч лет не участвовал в боях.

— Да, нам. Разве я не Железный Воин?

— Конечно, — кивнул Кроагер.

— Форрикс? — сказал Хонсю, подходя к ним. — Ты сегодня дерешься с нами?

— Именно так, полукровка. Желаешь прокомментировать?

— Нет… брат. Твое присутствие делает нам честь.

— Это точно, — подтвердил Форрикс.

Кроагер и Хонсю переглянулись, в равной степени озадаченные и обеспокоенные таким поворотом событий. Затем Кроагер рассмеялся и хлопнул Форрикса по наплечнику:

— С возвращением. Давненько ты не пускал кровь врагу. Спорю, сегодня этот кулак соберет больше жертв, чем даже этот дворняжка или я.

Форрикс кивнул, явно недовольный таким панибратством. Он стряхнул с плеча руку Кроагера и огрызнулся:

— Держись от меня подальше, Кроагер. Ты для меня никто.

С подчеркнутой осторожностью Кроагер убрал руку и сделал шаг назад.

— Как скажешь.

Отойдя от Форрикса, Хонсю вернулся на свою позицию; Кроагер тоже ушел со стрелковой ступени, чтобы присоединиться к своей роте. Он украдкой оглянулся на Форрикса, чей силуэт отчетливо вырисовывался на фоне темно-красного неба. Что-то произошло, и подозрительность Кроагера немедленно встрепенулась. В голосе древнего ветерана чувствовался пыл, которого Кроагеру не доводилось слышать уже много веков.

Что-то вновь пробудило боевой дух Форрикса, и Кроагер заподозрил, что старый вояка посвящен в некий секрет, о котором его самого и Хонсю не поставили в известность. В чем заключалась эта тайна и каким образом Форрикс оказался среди доверенных лиц, Кроагер предположить не мог, но был готов приложить все силы, чтобы это выяснить.

На дальнейшие размышления времени не оставалось: оглушительный рев пронесся по передним рядам, и десятки людей, стоявших на стрелковой ступени, были разорваны в клочья. Крупнокалиберные снаряды шквалом огня полностью разрушили бровку траншеи, во все стороны полетели комья земли и тела убитых, и на лице Кроагера появилась жестокая улыбка.

В клубах дыма он разглядел размытые очертания, похожие на титана-разведчика; быстрым шагом подойдя к своему «Носорогу», он вскочил на подножку и стукнул кулаком по крыше.

Двигатель машины взревел, «Носорог» тронулся с места и устремился за «Ленд Рейдерами» Форрикса к выезду, прямо в дым сражения.

Выпрямившись во весь рост, Кроагер поднял цепной меч так, чтобы его видели все его воины.

— Смерть слугам Лже-Императора!

Глава 3

Леонид наблюдал, как «Псы войны», быстрым шагом обошедшие его позицию, поливают вражеские траншеи огнем своих «Вулканов». Гвардейцы под его командованием радостно приветствовали этот вызов на бой, но Леонид знал, что этим дело и ограничится. «Псы» дадут им время перегруппироваться, только и всего.

— Всем отрядам, это подполковник Леонид. Перегруппироваться и немедленно начать отступление к точке сбора. Шевелитесь, времени у нас немного, — приказал он, слыша, как за фронтом неприятеля нарастает глухой рев двигателей.

Титан принцепса Карлсена, подвижный, как и все машины этого класса, резко бросался из стороны в сторону, уклоняясь от вражеских выстрелов и в то же время пытаясь занять удобную позицию, которая позволила бы оружейным модераторам открыть огонь. Карлсен и принцепс Янсер, управлявший «Юре Дивину», по очереди выходили вперед и обстреливали траншеи из болтеров «Вулкан» и турболазеров, разнося на клочки всех, кто смел высунуться, а затем быстро отступали, скрываясь в дыму. Рост титанов сводил на нет защиту, которую давала стрелковая ступень, но Карлсен понимал, что ущерб, наносимый ими врагу, по большому счету не имел значения.

Без тяжелых орудий группы «Меч» их тактика только оттягивала неизбежное. Карлсен ушам не поверил, когда услышал приказ принцепса Фиераха бросить джуранцев и двинуться навстречу титану класса «Император»; со все возраставшим ужасом он слушал обрывки сообщений, которыми обменивались по воксу линейные титаны, вынужденные сражаться не на жизнь, а на смерть.

И он сам, и его ведомый были слишком далеко к востоку, чтобы прийти своим соратникам на помощь, а потому они ограничились лишь тем, что следовали за атакой бронетанковых сил Джурана, хотя без поддержки «Грабителей» им приходилось ждать, пока гвардейцы или прорвут оборону противника, или атака будет отбита.

Пустотные щиты вспыхивали, отражая выстрелы из лазеров и болтеров, но Карлсен не обращал на это внимания. Гораздо большим поводом для беспокойства были танки неприятеля. С каждым броском вперед он замечал все большее их количество: они затаились позади траншей, и Карлсен знал, что рано или поздно командир противника объявит контратаку.

Три «Ленд Рейдера» вырвались из клубов дыма, за ними широким фронтом шли «Носороги» и транспорты, выглядевшие как какой-то противоестественный гибрид «Химеры» и грузовика. Солдаты, битком набившиеся в кузовы машин, кричали, и, подскакивая на неровностях дороги, транспорты устремились за отступающими гвардейцами.

— Принцепс Янсер, за мной! — заорал Карлсен и развернул болтер «Вулкан» в сторону более легких машин, следовавших за «Носорогами».

Землю прошили снаряды, прочертившие путь к цели, и три машины разлетелись на куски в вихре огня и крови. Обломки взорвавшихся транспортов ударили в борт одного из «Ленд Рейдеров», заставив того отвернуть в сторону, и он врезался в «Химеру», сминая металл машины с ужасающим скрежетом.

Рядом с титаном Карлсена возник «Юре Дивину», его грохочущие орудия накрыли атакующего врага смертоносным огнем. Два «Ленд Рейдера» рванули в сторону от титана, пытаясь уйти с линии обстрела, но Карлсен оказался проворнее: удар ноги титана пришелся прямо в бортовую обшивку ближайшей машины, с легкостью пробил броню и подбросил изломанный «Рейдер» в воздух.

Вторая машина резко развернулась, лазпушка, установленная на ее спонсоне, пришла в движение, артиллеристы врага прицелились, и Карлсен с болью ощутил, как схлопываются его пустотные щиты.

— Будь ты проклят! — закричал он, отступая, но пушки танка выстрелили снова, и над головой титана сверкнули смертельные вспышки.

— Модератор Аркиан, восстановить пустотные щиты! Немедленно!

Карлсен приказал титану отступать, ни на минуту не прекращая поливать машины предателей огнем и в то же время стараясь не задавить бегущих солдат Имперской гвардии. Такое точное маневрирование требовало больших сил, и пот ручейками тек по его лицу.

Нога «Дефенсор Фидеи» опустилась на искореженные останки «Леман Русса», и титан опасно накренился. «Юре Дивину» прикрыл собрата по легиону, стреляя, меняя позицию и снова стреляя, пока враг не начал продвигаться вперед с большей осторожностью.

— Аркиан! — взревел Карлсен. — Где эти проклятые щиты?

— Я работаю над этим, принцепс!

Так работай быстрее! — потребовал Карлсен: он увидел, как из дыма появляются два уцелевших «Ленд Рейдера» и направляются прямо к нему.

«Император Беллум» умирал, но принцепс Фиерах еще не был готов признать поражение. Лицо его покрывали кровь и пот, и он был уверен, что модератор Йосен погиб. Один Император знает, что происходило на инженерных палубах; на вызовы Фиераха там уже никто не отвечал. «Диес Ире» уничтожал его титана по частям, но принцепс не собирался сдаваться без борьбы и сумел нанести врагу существенный урон. Танки сопровождения, появившиеся вместе с другими вражескими титанами, прошли мимо, предоставив своему богу войны в одиночку справиться с противником.

Фиерах мог только надеяться, что остатки тактической группы «Меч» сумеют защитить джуранцев и дать им время на отступление.

В очередной раз словно молот ударил по корпусу титана, и череп принцепса пронзили огненные стрелы симпатической боли: он чувствовал то же, что и «Император Беллум». Он замахнулся цепным кулаком, и уже притупившееся лезвие прочертило глубокие борозды на стволе плазменного аннигилятора «Диес Ире». Огромное орудие окутали брызги раскаленной энергии, и около сотни людей обратились в ничто под бушующим каскадом перегретого пара.

«Диес Ире» сделал шаг вперед и нанес сокрушительный удар по ноге «Императора», в результате которого коленный сустав титана, взорвавшись снопом искр, был выведен из строя. Взревели сирены, и от почти невыносимой боли Фиерах прикусил язык так, что изо рта потекла кровь. Напрасно он пытался отойти от вражеского титана — левая нога «Император Беллум» потеряла подвижность в результате взрыва, и путь к отступлению был закрыт.

«Диес Ире» вновь приблизился и ударил рукой, утяжеленной орудиями, по корпусу «Император Беллум». Разрушительный удар отбросил титана Фиераха в сторону, мгновенно загорелись новые предупредительные символы, означавшие, что системы в теле титана отказывают одна за другой. Он отчаянно пытался сохранить равновесие, но от внешних гиростабилизаторов ничего не осталось, и вместо чувств титана ему пришлось полагаться на собственные спутанные ощущения.

Удивительным образом ему удалось удержаться на ногах, и он вновь встал лицом к лицу с «Диес Ире», занося над врагом цепной кулак — единственное оружие, в котором был еще уверен.

Лезвие со скрежетом скользнуло по торсу «Диес Ире», вырывая из брони монстра огромные куски. Фиерах знал, что у титанов класса «Император» реактор расположен глубоко в брюхе, и если только ему удастся достаточно ослабить броню, то позже, возможно, другие смогут убить это чудовище. «Диес Ире» сделал шаг в сторону и отбил цепное лезвие стволами своего основного орудия, а затем приставил их дула к раскаленной поверхности коленного сустава «Император Беллум».

Орудие выплюнуло поток опаляющего огня, и разрывные снаряды, выпущенные в упор, поразили уже поврежденную ногу. Сустав разлетелся на части, расплавленный металл, подобно ртути, кровоподтеками устремился вниз по ноге боевой машины. Фиерах чувствовал боль титана, словно свою собственную, и закричал, не в силах справиться с перегрузкой в мыслеимпульсе, поджарившей большую часть коры его мозга.

Величественная машина резко накренилась, тазовое сочленение титана с грохотом рухнуло на останки изуродованной ноги, и в этом наклонном положении «Император Беллум» внезапно остановился.

Почувствовав, что падение прекратилось, Фиерах истерично рассмеялся.

— Спасибо тебе, старый друг! — крикнул он и невероятным усилием заставил свой умирающий мозг отдать титану последнюю команду к бою.

Оттолкнувшись уцелевшей ногой, «Император Беллум» наклонился вперед и с ужасающей силой врезался своим мостиком в голову «Диес Ире».

От удара разбилось бронированное стекло рубки Имперского титана, и последним, что увидел Фиерах перед тем, как взорвался реактор «Император Беллум», было зеленое пламя циклопического глаза, устремившееся ему навстречу.

Форрикс увидел, что «Пес войны» перед ними отступает за завесу дыма, и понял, что щиты титана разрушены.

— Вперед, за ним! — рявкнул он. Для него титан был не просто вражеской боевой машиной; это было чудовище из древних легенд, и его охватило жгучее, первобытное желание уничтожить его. Он едва удержался, чтобы не рассмеяться от наплыва охвативших его эмоций. Чувства и стремления, которые он считал давно угасшими, внезапно вновь пробудились в сознании, прорываясь наружу, подобно тому, как тонущий человек стремится вынырнуть на поверхность. Он чувствовал ненависть, глубокую и острую, горячую жажду битвы, требующую немедленных действий, и страсть, более безудержную, чем всё, что ему довелось пережить за все свои долгие годы.

Он вновь обрел цель в жизни, цель, перед которой, как перед инстинктом, невозможно было устоять.

Не отрывая взгляда от гололитического экрана, Форрикс наблюдал за хаосом сражения. Рядом с его машиной еще один «Ленд Рейдер» взревел двигателем и пронзил дымовую завесу выстрелом лазпушки. Вражеская пехота отступала к цитадели: некоторые ехали на транспортах, другие цеплялись за подножки. Тут и там отдельные очаги сопротивления еще вели огонь по атакующим, тем самым давая товарищам время спастись.

Корпус «Ленд Рейдера» задребезжал от удара, и Форрикса отбросило в сторону. Машина сильно пострадала, отсек экипажа наполнился пламенем и дымом, и, оглянувшись назад, Форрикс увидел огромную дыру в боковой броне. Сквозь рваные края виднелось алое небо и грозные очертания одного из «Псов войны», направлявшегося прямо к ним. Его оскалившийся лик застыл в маске ярости, и Форрикс опять почувствовал неодолимое желание уничтожить одну из этих тварей.

— Все на выход, — заорал он. Открылась передняя аппарель, и четыре воина-гиганта, облаченные, как и Форрикс, в доспехи терминаторов, покинули «Ленд Рейдер» вслед за своим командиром.

Кроагер рванулся в атаку сквозь пелену дыма и, издав боевой клич, от которого кровь стыла в жилах, одним ударом цепного меча снес голову имперскому гвардейцу. Другого он ударил в живот, разорвав внутренности и раздробив позвоночник. Вокруг него были лица, полные

ужаса, некоторые кричали, некоторые молили о пощаде. Кроагер отвечал им всем смехом и с равной беспристрастностью убивал любого, кто приближался на расстояние удара.

Его воины, обильно обагрив клинки, прорубили в рядах Джуранских драгун кровавую просеку. Сражение превратилось в примитивную резню, и Кроагер упивался этой бойней, чувствуя, как каждое новое убийство отзывается во всем теле волной удовольствия. Он не замечал ничего, кроме брызг артериальной крови, и не слышал ничего, кроме криков умирающих.

Плачущий, вопящий мужчина упал перед ним на колени, но меч Кроагера описал низкую дугу и перерезал несчастному горло. Отбросив оружие, Кроагер поднял умирающего с земли, сорвал с него шлем и, держа жертву повыше, направил струю крови себе в лицо. Алая жидкость густым потоком оросила его, и Кроагер запрокинул голову, чтобы напиться этой дающей жизнь влаги.

У горячей крови был изысканный вкус, полный страха и боли.

Чудовищной силы жажда заставила Кроагера взреветь; он разорвал труп надвое и, подобрав меч, поднял оружие над головой. Все его чувства словно обезумели, и каждый нерв в его теле требовал еще.

Еще и еще. Кровью невозможно пресытиться.

Глаза заволокло красной мглой, и Кроагер вновь устремился в битву.

Стреляя на ходу, Хонсю повел своих воинов вперед. Хорошо скоординированный залп лазерного огня, пронесшийся над головой, вынудил его броситься на землю; поднявшись на колени, он сделал несколько выстрелов в сторону, откуда раздался залп. Сквозь дым донеслись искаженные крики: ответные выстрелы нашли свою цель. Его воины быстро продолжили наступление, передвигаясь группами и прикрывая друг друга прицельным огнем по противнику.

В клубах дыма мелькали люди, ревели танки, из диспенсеров, установленных на машинах, вырывалась белая пелена тумана.

Мимо прогрохотал один из «Ленд Рейдеров» Форрикса, и Хонсю выругался — лазпушка, установленная на спонсоне, прошла меньше чем в метре от него. Мощное орудие выстрелило, и от лазерной стрелы дым побелел, словно пар, а авточувства доспеха заработали, устраняя помехи.

Впереди полыхнула огромная вспышка света, обозначившая присутствие титана и то, что один из его пустотных щитов только что отказал. Хонсю усмехнулся, представляя, как отчаянно суетится экипаж титана, пытаясь восстановить потерянный щит, прежде чем до них доберутся перешедшие в атаку Железные Воины. Кузнец Войны счел нужным усилить роту Хонсю насильно рекрутированными солдатами, и теперь этот сброд устремился вперед вместе с его

воинами. Необходимость сражаться бок о бок с такими отбросами наполняла Хонсю злостью, но он ни за что не стал бы унижаться и высказывать свое негодование вслух.

Прочертив болтером огненную дугу так, чтобы несколько выстрелов не вполне случайно зацепили некоторых из солдат в красной униформе, он поднялся на ноги и двинулся вперед, к расстрельной команде Железных Воинов. Им удалось загнать довольно большое количество имперских гвардейцев на дно пыльной воронки, края которой окружала колючая проволока. Из воронки выстрелили, снаряд угодил в транспортную машину позади Хонсю, которая разорвалась с металлическим грохотом.

Несколькими секундами позже из воронки вылетел еще один снаряд, но расчет совершил глупость и не сменил позицию после первого выстрела, и в результате два гвардейца были разорваны на части залпом ответного огня.

Стараясь не высовываться, Хонсю побежал к разбитым противотанковым ловушкам из рокрита, за которыми беспорядочной гурьбой укрылись солдаты в красном; они обстреливали воронку из неказистых винтовок со скользящим затвором. Хонсю схватил ближайшего к нему солдата за шкирку и поднял того к своему визору.

— Идиоты, вы впустую тратите боеприпасы. Достаньте их оттуда клинками.

Мужчина отчаянно закивал, слишком напуганный, чтобы ответить. Хонсю отбросил это жалкое существо в сторону, брезгливо вытер рукавицу доспеха о набедренник и вернулся к своему отряду.

Пока первый взвод спешно отходил к следующей точке сбора, подполковник Леонид, вжавшись в склон изрытого воронками вала, стрелял из лазгана. Лицо его, почерневшее от грязи, избороздили морщины усталости и страха, но он все еще был жив и способен сражаться, а это уже стоило немалого, учитывая неразбериху, которая царила на поле боя. Сержант Эллард залег рядом и посылал выстрел за выстрелом в сторону неясных теней, бегущих сквозь дым. Угроза оказаться окруженными, отрезанными от своих, лицом к лицу с превосходящими силами противника вызывала физически ощутимый ужас, и только усилием воли Леонид сохранял спокойствие. Он должен был воодушевлять людей своим примером, и хотя в груди плотным узлом свернулась боль, он старался не поддаваться ей, чтобы показать своим солдатам, как нужно действовать.

— Первая шеренга, огонь! Замыкающая шеренга, отступай! — выкрикнул он, и Эллард вскочив на ноги, принялся подгонять бойцов замыкающей шеренги к следующему пункту сбора.

Один залп за другим врезались в строй солдат в красной униформе, несущихся в атаку сквозь хаос битвы несмотря на то, что огонь неприятеля косил их десятками. До сих пор Леониду удавалось поддерживать в отступлении порядок, но все висело на волоске. Солдаты проявили небывалое мужество и выполнили свой долг лучше, чем он мог требовать. Но силы их были на исходе, и надолго их не хватит.

Помимо всего прочего, это была гонка на время: все зависело от того, удастся ли им добраться до прикрытия пушек цитадели, прежде чем иссякнет их мужество.

Гвардеец Корде подполз к Леониду, что-то крича сквозь грохот выстрелов, взрывы и рев танков. Вокс, закрепленный у него на спине, неуклюже ерзал при каждом движении; в руке Корде сжимал шипящее плазменное ружье, ствол которого окутывал пар из перегревшихся охладителей.

— Сержант Эллард докладывает, что они уже на точке сбора, сэр!

— Очень хорошо, Корде, — сказал Леонид и, повесив лазган на плечо, скомандовал: — Первая шеренга, выбираемся отсюда, к чертовой матери!

Джуранцам два раза повторять было не нужно. Под прикрытием отделения Элларда, разрядившего свои лазганы в дымовую завесу, они поползли вниз по склону. Леонид дождался, пока последний из его солдат покинул позицию, после чего вместе с Корде отправился к остальной части взвода.

Со склона, оставшегося позади, донесся рокот, похожий на рев джуранского карнозавра, и Леонид, обернувшись, увидел, как через вал перебирается целое полчище чудовищных железных исполинов, чтобы затем обрушиться вниз с зубодробительной силой. Танки — некая извращенная вариация «Леман Руссов» — были огромны; броню их покрывали нечестивые символы, орудийные башни поворачивались со скрипом древних механизмов. Пушка, установленная на передней части корпуса ближайшего танка, лязгнула, выплюнув череду бронебойных подкалиберных снарядов, и взрывы изрыли почву склона. Увлекая Корде за собой, Леонид бросился на землю, и в тот же миг воздух над ними прошили пули.

Он поднял голову и задохнулся от ужаса: танк продолжал двигаться, грозя раздавить их бронзовыми гусеницами. Шквал огня усилился, а затем с оглушительным грохотом выстрелило основное орудие танка; несколько секунд спустя вдалеке послышался взрыв. Танк надвигался прямо на Леонида, и он откатился в единственном направлении, еще остававшемся свободным, — под корпус танка.

Металлическое подбрюшье машины прошло над его головой, лишь чудом не задев, от горячих выхлопных газов поднималась тошнота. Что-то полилось сверху, и он почувствовал, что лицо и руки стали мокрыми. Закрыв руками уши, он вжался лицом в грязь и распластался на земле. «Император, защити», прошептал он, замерев под грохочущим танком. Какой-то выпирающий из днища крюк зацепился за складку на его форме, и Леонид захрипел от боли, чувствуя, как его тащит вслед за танком по неровной земле; только через несколько метров ему удалось отцепиться.

Внезапно он оказался на свободе, а танк покатил дальше, оставив его дрожать от страха и облегчения. Леонид глубоко вздохнул и пополз обратно к лежавшему неподвижно Корде. При виде изуродованного трупа он не смог сдержать тошноту. Корде повезло меньше, чем ему, и вся нижняя часть тела гвардейца под гусеницами танка превратилась в сплошное месиво. Изо

рта все еще текла кровь, и очередной рвотный позыв скрутил внутренности Леонида: он понял, что за жидкость плеснула на него из-под танка.

Вокс тоже раздавило, но оружие Корде осталось целым, и Леонид выхватил ружье из рук мертвого гвардейца. Внутри него волной поднялась ярость от мысли о том, что убийцы Корде, скорее всего, даже не заметили случившегося. Леонид с трудом поднялся на ноги и, шатаясь, пошел за железным чудовищем.

Найти его оказалось нетрудно: танк медленно двигался вслед за его людьми, уничтожая солдат пулеметными очередями и выстрелами из основного орудия. Леонид выкрикивал проклятия в адрес предателей, засевших внутри машины, пока не сорвал горло, и, когда до кормы оставалось менее десяти метров, резко остановился и поднял плазменное ружье Корде.

Он дважды быстро нажал на спусковой крючок, и раскаленная добела плазма ударила в танк. Выстрелы пришлись на более тонкую броню кормы и, с легкостью ее пробив, подожгли топливо и боезапас. Взрыв превратил боевую машину в огненный шар, скачок давления в результате внутренних детонаций смял орудийную башню. Ударной волной Леонида сбило с ног, и падение отозвалось в груди обжигающей болью.

Над искореженными обломками танка поднимался черный столб дыма; увидев, что в гуще сражения в его сторону кто-то бежит, Леонид закричал от ярости. Он поднял плазменное ружье, но перезарядка еще не закончилась. Отбросив ружье, он потянулся за лазганом, но тут из клубов дыма возник сержант Эллард. Не теряя времени, сержант помог своему командиру подняться на ноги и оттащил его от охваченных огнем обломков танка.

Карлсен опустил тяжелую ногу титана на одну из машин, затем шагнул в сторону, увернувшись от еще одной, решившей пойти на таран. Застонав от напряжения, он приказал проворному «Псу войны» развернуться вокруг своей оси и выпустил короткий залп по корме танка. Основные орудия расходовали боеприпасы с такой скоростью, что резерв практически иссяк, и при таком темпе стрельбы через несколько минут пушки титана умолкнут.

И тогда сражение закончится. Модератор Аркиан сотворил настоящее чудо и уговорил Дух Машины еще раз восстановить их щиты, но не прошло и секунды, как их вновь атаковал тот проклятый «Ленд Рейдер». До того, как «Юре Дивину» обошел танк с фланга и отправил его в варп, ему удалось опять вывести из строя защиту титана. Несколько воинов успели выбраться из дьявольской машины, но прежде чем Карлсен успел нацелить на них орудия и прикончить, они скрылись в дыму и суматохе боя.

Если им удастся продержаться еще немного, то вскоре они окажутся в прямой видимости цитадели и под прикрытием ее артиллерии. Тогда они будут в безопасности.

Бросившись на другую сторону воронки и не обращая внимания на витки колючей проволоки, цеплявшиеся за ноги, Форрикс выпустил очередь из штурмового болтера в спины дрожащих от страха гвардейцев, укрывавшихся на дне. В отдалении он увидел Кроагера — тот безжалостно расправлялся с горсткой солдат, которые отстали от своих и теперь оказались в окружении.

Форрикс остановился на мгновение и, прищурившись, внимательнее пригляделся к этому юнцу, убивавшему вражеских солдат с бешенством, вызванным опьянением смертью. Его серебряная броня, до сражения чистая и сверкающая, теперь была залита кровью, под влажно блестевшим слоем которой скрылись нанесенные на доспех символы. В этот раз Кроагер зашел слишком далеко и уже не мог сопротивляться зову Бога Крови.

Хонсю держался справа от него; его люди шли в атаку в образцовом порядке, стреляя, перемещаясь и снова стреляя. С большой неохотой Форрикс вынужден был признать, что полукровка, несмотря на свое нечистое происхождение, был способным командиром.

Теперь, когда наступление имперских войск было остановлено, сражение распалось на ряд более мелких стычек. Продолжать преследование врага не имело смысла: те отделения, которым удалось вырваться с поля боя, были так сильно потрепаны, что вряд ли когда-нибудь оправятся от поражения.

Оставалось только убить титана.

По счастливой случайности, именно в этот момент клубы дыма рассеялись, и великан появился прямо перед Форриксом. Красно-желтый панцирь блестел в лучах солнца, а оскалившийся лик титана словно призывал сразиться с ним.

— Ты шлешь мне вызов[6], — прошептал Форрикс и бросился в атаку на закованного в броню гиганта, но титан развернулся и быстро скрылся в дыму так же внезапно, как и появился.

Лишившись добычи, Форрикс остановился и тихо произнес:

— В другой раз, чудовище.

Шатаясь и спотыкаясь, Леонид брел по пустоши, протянувшейся перед цитаделью, и каждый его вздох жжением отзывался в груди. Если бы не поддержка сержанта Элларда, он наверняка бы упал.

Позади, совсем близко, слышались крики врагов и вопли тех, кто попал им в руки. Внезапно Леонид заметил очертания трех огромных фигур, застывших на границе поля зрения; по мере того, как он с помощью Элларда продвигался вперед, очертания прояснялись, и наконец он с облегчением рассмеялся, узнав в них двух титанов класса «Грабитель» и одного «Повелителя войны».

Но когда они подошли еще ближе, Леонид с нарастающим ужасом разглядел, что титаны чудовищно повреждены. Многократные попадания искорежили и опалили броню их корпусов. Что произошло с этими машинами войны? Он оценил масштаб их повреждений и вновь задумался о жуткой природе врага, с которым им пришлось столкнуться, и о том, какой глупостью было недооценивать такого противника. Сколько жизней оборвалось сегодня из-за такой ошибки?

Два «Пса войны», шатаясь, отступали сквозь клубы дыма и пыли, короткими очередями отстреливаясь от врага. Оба были повреждены и несли на своей броне отметины от огня и взрывов; но оба все еще вели бой.

«Грабители» и «Повелитель войны» открыли огонь, и воздух наполнился ужасающим грохотом. «Псы войны» с благодарностью укрылись в тени более массивных собратьев и поддержали обстрел залпами своих орудий.

Спотыкаясь, Леонид шел дальше, мимо титанов, пока не оказался под прикрытием пушек Первого равелина, и тогда почувствовал не выразимое словами облегчение от того, что выбрался из боя живым. Стрелковую ступень на краю передней траншеи заняли свежие силы, и Эллард передал командира на попечение перепуганного солдата, после чего вернулся на поле боя, чтобы помочь своим людям.

Прислонившись к брустверу и обхватив голову руками, Леонид, наконец, в полной мере осознал кошмар, которым стало это сражение.

Когда уцелевшие Драгуны оказались под защитой титанов Легио Игнатум и артиллерии цитадели, противник, казалось, потерял интерес к битве и повернул назад, к своим укреплениям, при этом не скупясь на резкие выкрики и насмешки. В некоторых воинах жажда крови была слишком сильна, и они не могли удержаться от напрасных попыток добраться до своих жертв, но их уничтожил ближний огонь титанов и залпы артиллерии равелина и бастионов.

Леонид чувствовал, что задыхается от невероятной усталости. Он оперся рукой о склон бруствера, стараясь сохранить равновесие, но мир перед глазами завертелся, и он соскользнул вниз и рухнул на землю, прежде чем стоявшие рядом солдаты успели его подхватить.

Глава 4

Несмотря на то, что с гор дул теплый ветер, от вида работ, развернувшихся под стенами Тор Кристо, по спине майора Гуннара Тедески пробежал холодок. Опираясь рукой на парапет бастиона Кейн, коренастый майор перегнулся вниз и попытался хотя бы приблизительно определить, сколько же людей работали на равнине. По его самым скромным оценкам, в осадных работах внизу участвовало от восьми до девяти тысяч человек. Чего-чего, а рабочих рук для рытья укреплений у врага хватало; но невозможно было угадать, сколько же среди них было настоящих воинов.

6

Отсылка на слова Ахава из романа «Моби Дик» Г. Мелвилла, гл. 36. (прим. пер.)

— Ээ… Майор Тедески, я не уверен, что это хорошая идея, — заметил капитан Поулсен, его адъютант, который следовал за ним, крепко сжимая в руках информационный планшет.

— Чушь, Поулсен. Эти хаоситские выродки — не из тех, кто держит снайперов.

— И все-таки, сэр, — не сдавался Поулсен. Из долины донеслось эхо артиллерийского залпа.

— До нас не достанет, — ответил Тедески, качая головой.

И точно: снаряд, взметнув столб пыли и каменных осколков, попал в развалины сторожевой башни. Башня была разрушена менее чем за день, но она изначально не предназначалась для того, чтобы выдержать обстрел такой интенсивности.

Тедески отстранился от парапета и продолжил свой путь по периметру стен бастиона. Солдаты сидели под парапетом; одни спали, другие играли в кости. Некоторые внимательно оглядывали местность, и лица их избороздили морщины, вызванные усталостью и нехваткой сна. Артиллерийский обстрел, продолжавшийся почти без перерыва, не давал спать, и нервы у всех были на пределе.

С того дня, как атака Легио Игнатум и бронетанковых соединений Драгун на систему траншей неприятеля сорвалась, прошла неделя, и плато изменилось до неузнаваемости. День и ночь вражеская артиллерия обстреливала равнину фугасными снарядами, сметая заграждения из колючей проволоки и вызывая детонацию мин. Землю исчертили ломаные линии траншей; укрепленные земляными валами, траншеи подбирались к скале, на которой стоял Тор Кристо. Артиллеристы Тедески сделали все, что могли, но траншеи были сооружены с математической точностью, и их невозможно было поразить анфиладным огнем[7]. Только однажды, когда часть траншеи была отрыта дальше, чем следовало, артиллеристам удалось нанести противнику ощутимый урон и уничтожить как землекопов, так и их оборудование.

Но после того случая каждый раз, когда траншеи приближались к крепости на расстояние, с которого орудия Тор Кристо могли бы обстреливать их по всей длине, огромные фигуры в темно-серой броне приказывали землекопам изменить направление работ.

Между системой траншей и основным лагерем протянулась паутина ходов сообщения и редутов, и хотя артиллеристы Тор Кристо обстреливали их каждый день, Тедески не заметил сколь-либо существенных успехов.

Враг наступал, с этим ничего нельзя было сделать, и это сводило с ума. Там, где заканчивались сапы, прошла вторая параллель, и ее крутой изгиб в точности следовал стенам крепости. На двух отрезках этой новой параллели были возведены высокие стены. Без сомнения, траншею за ними расширяли и углубляли, чтобы дать место крупнокалиберным гаубицам.

Хотя Тор Кристо уже неделю был под обстрелом, с такого расстояния орудия противника могли только откалывать куски от каменных стен. Однако для рикошетного огня такая

дистанция была идеальной, и многие из орудий, установленных на стенах Тор Кристо, оказались демонтированы. Тедески приказал оттащить уцелевшие орудия назад, в форт, и хотя до сих пор число убитых было невелико — пятьдесят два человека с начала осады, — ситуация резко изменится, как только батареи второй параллели будут установлены.

Но у Тедески для неприятеля был припасен сюрприз.

Орудия, установленные у подошвы скалы и до сих пор остававшиеся в резерве, проявят себя ровно в тот момент, когда враг передвинет тяжелую артиллерию на новые позиции.

— Ждать уже недолго, Поулсен, — задумчиво заметил Тедески.

— Ждать чего, сэр?

— Атаки, Поулсен, атаки, — ответил Тедески, не в силах скрыть своего раздражения. — Если мы не помешаем им завершить строительство этих батарей, они подтянут большие пушки и начнут швырять фугасные снаряды прямо через наши стены. После чего отпадет нужда сносить сами стены: они смогут просто войти внутрь через главные ворота, потому что в крепости не останется никого, чтобы их остановить.

— Но ведь их остановят орудия внизу?

— Возможно, — согласился Тедески, — но мы сможем провернуть этот трюк только один раз, и то при условии, что враг еще не знает о них. Помнишь ту разведывательную группу, которую мы обстреляли в самом начале осады?

— Да, сэр.

— Велика вероятность, что противник уже знает, что внизу установлены орудия, и предпринял соответствующие меры.

— Не может быть, сэр. Если бы они обнаружили орудия, они бы уже попытались уничтожить их, разве нет?

Тедески задумчиво кивнул и оперся на парапет, скат которого был сооружен таким образом, что солдаты могли обстреливать цели, находившиеся почти у самой стены.

— В этом есть смысл, Поулсен, и только поэтому я до сих пор не отдал приказ перекрыть подземные проходы. Если, когда придет время, эти пушки будут молчать… на такой риск я пойти не могу.

Пренебрежительное отношение к снайперам, выказанное страшим по званию, придало

капитану Поулсену смелости, и он встал у края парапета, наблюдая за кипучей деятельностью на равнине.

— Никогда не думал, что увижу что-то подобное, — прошептал он.

— Что?

Поулсен указал на гигантские очертания «Диес Ире», который замер без движения на том месте, где погибший «Император Беллум» покалечил его. Нижняя часть ног машины почернела и все еще дымилась, опаленная взрывом реактора Имперского титана. На лесах и опорах, возведенных вокруг ног титана, работали сотни людей, пытавшихся устранить ужасные повреждения. Верхняя часть корпуса «Диес Ире» меньше пострадала от взрыва, и каждый день орудия титана обстреливали цитадель, сотрясая ее стены чудовищной силы взрывами и вызывая врага еще раз выйти на открытый бой.

— И я не думал, — кивнул Тедески. — Это была честь для нас — видеть, как столь храбрый воин сражается с таким дьявольским созданием. Но собратья-титаны отомстят за него.

— А кто отомстит за нас? — поинтересовался Поулсен.

Тедески резко развернулся к своему адъютанту и сказал со злостью:

— За нас мстить не потребуется, капитан Поулсен, и я лично разберусь с каждым, кто публично заявит обратное. Вам ясно?

— Да, сэр, — поспешно ответил Поулсен. — Я только хотел сказать…

— Я знаю, что ты хотел сказать, Поулсен, но лучше держи это при себе, — предостерег Тедески, взмахом руки указывая на солдат у парапета и артиллеристов, готовивших орудия к бою. — Как ты думаешь, что самое главное в крепости, а, Поулсен? Стены? Пушки? Расположение? Нет. Все дело в людях, которые стоят на ее стенах и говорят врагу: «Нет, это укрепление тебе не взять». Только боевой дух этих людей удерживает противника снаружи, и только держась вместе, веря в Императора и в нашу способность выстоять, мы сможем победить. Какими бы ни были факты, люди должны верить в то, что мы сами верим: Тор Кристо может выдержать осаду. Иначе нам конец.

Задумавшись, Поулсен кивнул, после чего спросил:

— А вы верите, что мы выстоим, сэр?

Тедески вновь посмотрел на равнину перед крепостью.

— В конечном итоге — нет. Тор Кристо падет, но мы будем удерживать крепость так долго, как сможем. Когда я решу, что все потеряно, я прикажу отступать по туннелям и перегружу реакторы, чтобы взорвать крепость. Я не позволю этим мерзавцам использовать Кристо в своих целях.

* * *

Оттолкнув в сторону изнуренного раба-землекопа, Хонсю последовал за Форриксом вдоль извилистой траншеи, которая вела к последней параллели. На всем их пути рабы, едва завидев своих хозяев, бросали кирки и лопаты и смиренно склонялись. Ни Форрикс, ни Хонсю не обращали на презренных созданий ни малейшего внимания, вместо этого полностью сосредоточив внимание на нависшей над ними громадой Тор Кристо. Когда они добрались до последней параллели и Хонсю увидел, с какой основательностью она была сооружена, его охватило знакомое предвкушение.

Глубина траншеи составляла три метра; бруствер, обращенный к Тор Кристо, имел уклон внутрь для того, чтобы уменьшить урон от снарядов воздушного взрыва. В стенах траншеи были вырыты и укреплены перекрытиями ниши, в которых рабы спали, ели и умирали. Еще живые были слишком изможденны, чтобы должным образом убирать трупы, и потому умерших просто стаскивали на одну сторону траншеи, где они и гнили, наполняя воздух смрадом разложения. По дну траншеи были проложены железные лежни с досками поверх них, и Хонсю поразился тому, с какой скоростью продвигалась работа под руководством Форрикса.

7

Анфиладный огонь — стрельба по направлению фасов укрепления, продольный огонь.

— Первая батарея будет тут, — сказал Форрикс, указывая на участок траншеи, находившийся, по оценке Хонсю, на расстоянии около шестисот метров от подножия горы.

Работы по расширению траншеи в этом месте уже начались. У входа в новую батарею были сложены толстые стальные листы, которыми вскоре покроют землю, чтобы тяжелые орудия при откате не зарывались в почву. Посмотрев в сторону Тор Кристо, Хонсю представил угол возвышения орудий будущей батареи и кивнул.

Наиболее уязвимым местом любой фортификации были ее исходящие углы — выступающие точки в линии бастионов, где при обстреле передних подступов с парапета образовывалось мертвое пространство. Главную сапу Форрикс проложил по прямой к центральному бастиону, и эта последняя параллель прошла уже в пределах досягаемости артиллерии форта, но защитой ей служили глубина траншей и земляные валы.

Хонсю увидел, что уже началось устройство батарей, которые будут обращены к обеим сторонам исходящего бастионного угла; они будут повернуты к форту таким образом, что

орудия, установленные в них, будут вести огонь перпендикулярно фасу бастиона и быстро пробьют его стены. Как только прямой огонь артиллерии проделает в стенах брешь, гаубицы обрушат в пролом снаряды, которые уничтожат вражескую пехоту до того, как будет нанесен главный удар. Но и в этом случае жертвы были неизбежны.

Наблюдая за тем, как еле живые рабы строят пушечную батарею, Хонсю подумал о том, что в механике осады была некая приятная предопределенность. Ему доводилось слышать рассказы о прошлых временах, когда осаждающий должен был пройти через несколько периодов постепенной атаки, прежде чем осажденный признает, что у него не осталось иного выхода, кроме как сдать крепость. Когда обе стороны сделали все, что от них требовал долг чести, защитники крепости капитулировали, и им разрешалось покинуть крепость, сохранив свое оружие и флаги. Такой порядок был откровенно нелеп, и Хонсю не представлял, чтобы он когда-нибудь принял капитуляцию врага.

Если Железные Воины начинали осаду, остановить ее было невозможно.

В дни, когда великий Пертурабо сам вел своих воинов в битву, еще до того, как лопаты вынут первый ком земли, он давал противнику единственный шанс сдаться. Если враг отвечал отказом, больше таких предложений не делалось, и исход осады был предрешен: закончиться она могла только кровью и смертью.

— Ты выбрал хорошее место для батарей, Форрикс, — заметил Хонсю.

Форрикс коротко кивнул, принимая похвалу:

— Не думаю, что нам нужно копать дальше. Это бессмысленно: мы только без необходимости подставимся под снаряды воздушного взрыва, и склон горы закроет стены крепости.

Хонсю видел, что Форрикс прав.

— А что насчет батарей у подножия горы? Они окажутся точно в пределах дальности огня их орудий и, несомненно, подвергнутся обстрелу.

— Я это знаю, Хонсю, но когда наши орудия будут установлены, я возглавлю отряд воинов из моей роты и возьму артиллерийские позиции врага штурмом.

Заметив, что Форрикс впервые назвал его по имени, Хонсю прищурился. Затем до него дошло, что в этом случае он лишится возможности захватить орудия, которые сам же и обнаружил.

— Ты возьмешь штурмом артиллерийские позиции внизу? — зарычал он. — Я их нашел, и честь захватить их должна принадлежать мне!

— Нет, Хонсю, у меня для тебя другое задание.

— И какое же? Подносить снаряды к пушкам? Погонять рабов?

Вместо ответа Форрикс указал на разрыв в стене траншеи, заполненный мешками с песком и охранявшийся целым отделением Железных Воинов.

— Когда настанет время, отсюда ты поведешь штурмовые отряды и захватишь брешь. Ты будешь удерживать ее до тех пор, пока солдаты-люди не поднимутся по склону горы и начнут эскаладу стен с помощью лестниц и крюков.

Хонсю открыл было рот, чтобы возразить, но так ничего и не сказал: он осознал, насколько почетно порученное ему задание. На мгновение его переполнила гордость, но врожденный скептицизм и подозрительность быстро положили этому конец.

— Почему, Форрикс? Почему ты оказываешь мне такую честь? До сих пор ты только насмехался надо мной и постоянно осаживал, называя дворняжкой и полукровкой.

Несколько долгих секунд Форрикс молчал, как будто и сам не совсем понимал, что заставило его сделать подобное предложение. Наконец он отвернулся от крепости и посмотрел на Хонсю.

— Было время, когда я рассуждал так же, как ты. Когда-то я верил, что мы сражаемся за что-то более важное, нежели просто месть, но прошли тысячелетия, наполненные войной, и я понял, что в наших действиях нет никакого смысла. Ничто не менялось, ничто не приближало нас к победе. Я слишком долго не участвовал в боях, Хонсю, и когда я увидел, как ты сражаешься с имперскими солдатами, я понял, что в душе ты настоящий Железный Воин. Ты все еще веришь в то, о чем мечтал Хорус; я же утратил эту веру много веков назад. — Внезапно Форрикс улыбнулся. — К тому же, Кроагер будет в бешенстве, когда узнает.

Хонсю рассмеялся, чувствуя необычное расположение к почтенному Форриксу.

— Это уж точно, но он будет унижен твоим решением. Ты уверен, что восстанавливать его против себя таким образом мудро? С каждым днем он все больше поддается зову Кровавого Бога.

— Этот юнец ничего для меня не значит. Я не вижу для него иного будущего, кроме бессмысленной резни; но ты… В твоем будущем я вижу великие свершения. И Кузнец Войны тоже это видит — я замечаю это каждый раз, когда он говорит с тобой.

— Думаю, тут ты ошибаешься, — сказал Хонсю. — Он меня ненавидит.

— Это так, но все же ты командуешь одной из его Великих рот, — заметил Форрикс.

— Только потому, что Борак погиб в битве за Мажно Четыре-Ноль, и Кузнец Войны до сих пор не решил, кто будет его преемником.

— И это правда, но спроси себя: сколько времени прошло со дня битвы за Мажно Четыре-Ноль?

— Почти двести лет.

— Именно. И ты думаешь, что за все это время Кузнец Войны не смог подыскать кого-нибудь, кто бы возглавил роту?

— Очевидно, нет, иначе бы он уже назвал имя нового командира.

Форрикс вздохнул и сказал со злостью:

— Должно быть, твоя нечистая кровь сделала тебя таким же тугодумом, как и прихвостни Дорна, с которыми она тебя роднит. Подумай, Хонсю. Если бы Кузнец Войны сразу же назначил тебя преемником Борака, хоть кто-нибудь из его воинов признал бы тебя своим командиром? Нет, конечно же, нет, и они были бы правы, потому что тогда для них ты был всего лишь презренным полукровкой.

— С тех пор мало что изменилось, Форрикс.

— Тогда ты еще глупее, чем я думал, — прорычал Форрикс и зашагал по траншее к складам снабжения, оставив Хонсю стоять в замешательстве на недостроенной батарее.

http://tl.rulate.ru/book/30591/675054